

Павел Васильевич Анненков

Г-н Помяловский

Павел Анненков
Г-н Помяловский

«Public Domain»

1863

Анненков П. В.

Г-н Помяловский / П. В. Анненков — «Public Domain», 1863

«Из ряда молодых писателей отделились два имени, на которых преимущественно рассчитывают журналисты и которые успели обратить на себя внимание если не публики, всегда неторопливой в выражении своих привязанностей и предпочтений, то, по крайней мере, записных рецензентов. Мы разумеем гг. Помяловского и Успенского...»

Павел Васильевич Анненков

Г-н Помяловский

Из ряда молодых писателей отделились два имени, на которых преимущественно рассчитывают журналисты и которые успели обратить на себя внимание если не публики, всегда неторопливой в выражении своих привязанностей и предпочтений, то, по крайней мере, записных рецензентов. Мы разумеем г. Помяловского и Успенского. Первый из них, автор повестей: «Мещанское счастье», «Молотов» и двух очерков: «Зимний вечер в бурсе» и «Бурсацкие типы» – пользуется почти одинаковой почетной известностью в литературных кругах с г. Успенским, хотя был менее его выставляем напоказ критикой и присяжными оценщиками художественных произведений. В ожидании времени, когда тающая русская публика подтвердит доброе мнение, составившееся об обоих молодых деятелях этих в сословии писателей, мы намерены сказать несколько слов о свойстве их таланта и теперешнем его положении, и начинаем прямо с г. Помяловского.

Литературная известность нашего автора началась, если не ошибаемся, только со второй его повести «Молотов». Существенную сторону этого рассказа составляет его социальный характер. Известно, что автор очень оригинально начинает свою повесть генеалогией одного чиновничьего семейства, зародыш которого он отыскал в каморке бедного петербургского сапожника. Начиная с этого предка или основателя фамилии, он проследил историю дальнейшего ее развития до той фигуры, когда, благодаря трудолюбию одной замечательной женщины или ее плодородию, фамилия очутилась в связях с множеством чиновничьих фамилий и сама достигла идеала, едва мелькавшего перед глазами родоначальников своих, – идеала почетного и безбедного чиновничьего существования. Генеалогия эта, помноженная еще на генеалогию родственных семейств, достигает, наконец, последнего представителя фамилии, Игната Васильевича Дорогова, и представляет нам эту суровую столоначальническую фигуру, у которой черты наследственной грубости совмещались с характеристическими отличиями подчиненного бюрократического сословия. Не надо забывать при этом, что родословная замечательной семьи не составляет у г. Помяловского одной только прибавки к рассказу, роскошной, но несущественной его подробности, как у многих писавших подобные родословные своих героев: в «Молотове» она есть сама повесть, зерно, из которого растет ее интрига. Новый отпрыск того же генеалогического дерева, в виде молодой пансионски воспитанной девушки, Нади Дороговой, вызывает семейную драму. Глубоко-нежные и вместе патриархально-деспотические отношения отца к дочери, умеряемые только невольным страхом его перед высшим развитием, составляют завязку драмы. Между отцом и дочерью разрешается вопрос о праве династа устраивать браки своих детей для возвышения фамилии и о праве молодого поколения распоряжаться собой и своим сердцем по призыву. В муках страстной любви и неодолимой ненависти старого начала к новым, вырастающим на одном с ним корне, готовится эта фамилия к занятию обыкновенного места в среде нашего дворянства и к разложению в общем его сословном и политическом характере, так как труд образования фамилии для нее кончен. Выход на свет общей цивилизации не может обойтись без глубоких внутренних потрясений, и г. Помяловский чрезвычайно патетически и верно изображает нам борьбу в недрах этой разрушающейся фамилии со всеми трогательными, поучительными и ненавистными оттенками, какими отличаются семейные драмы вообще. Но не эта существенная сторона повести обратила преимущественно внимание публики и не ей обязана она своим успехом. Если не ошибаемся, повесть была замечена благодаря именно своим слабым сторонам; а под ними мы разумеем изображение двух типов, порядочно избитых – гениального скептика, художника Михаила Михайловича Череванина, и его уже отстоявшегося, выносившего и жизнь умудренного друга, Молотова. Судя по заглавию повести и по любви, с которой рисует автор первый из этих характеров, –

он сам соединял с обоими типами великие надежды. Публика пошла за автором. Она приняла живое участие в героях, которые чрезвычайно ловко описывали самих себя друг другу и читателю, которые очень искусно выражали различие своих воззрений на жизнь и человека, и весьма умно выдерживали занимательный тезис о том, как следует понимать общество, свое призвание в среде его и свои отношения к его идеям и представлениям. Ясность образов, полученная этим путем, показалась большинству читателей настоящим творчеством, а старые обветшалые типы – оригинальными личностями. За разговорами их никому не пришло в голову посмотреть, есть ли у них живые физиономии. Любопытство этого рода совершенно необходимо для полноты впечатления, потому что блестящий разговор, не выводящий за собой характеристических отличий и коренных органических примет налицо, им занятое, может быть иногда подлогом в деле искусства и заменяет собой отсутствующее творчество.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.